

— Эй, Гун, это твои новые ученики? — обняв Гун Хунчана, ведущий дизайнер модного дома «Дживанни» с любопытством уставился на стоявших за его спиной юношей. В их позах безошибочно угадывались неопытные дебютанты.

— Видел бы ты их аппетиты — ни за что не пожелал бы моим будущим преемникам делить с ними кусок хлеба, — едва шевеля губами, тихо бросил Гун Хунчан. В этот момент их со всех сторон ослепляли вспышки камер, вынуждая держать на лицах безупречные дежурные улыбки. — Это начинающие актеры из Китая, приехали на разведку.

Линь Ин и Умуцзань не расслышали шепота, но интуитивно уловили суть беседы. Под прицелом объективов они лишь вежливо и послушно кивали, не проронив ни слова.

Накануне вечером Мэн Цзяоцзяо ввела Линь Ина в курс дела. Краткая, емкая справка позволила ему с первых же секунд составить о себе приятное впечатление у нужных людей.

— Привет, Гун. Сто лет тебя не видел. — К ним развязной походкой приблизился парень в ультрамодном объемном худи и с асимметричной стрелкой, подведенной на одном глазу. На этом празднике жизни его экстравагантный вид ни у кого не вызывал вопросов.

— Здорово, Джек. Тебя два года не было слышно. Что, поймал-таки ускользающую музу за хвост? — отозвался Гун Хунчан.

Они не состояли в дружеских отношениях, но этот молодой человек привлекал всеобщее внимание. Для европейского модного мира он был редкой птицей — азиатский дизайнер, невероятно дерзкий и чертовски талантливый.

— Есть немного. Я привез свежую коллекцию от YG. Как раз присматриваю новые лица, но вот беда: те, у кого есть опыт, уже примелькались и постарели, а у зеленой молодежи не хватает харизмы. Но, гляжу, у тебя тут отличные всходы. Не одолжишь ребят на вечер?

Линь Ин быстро сопоставил лицо незнакомца с информацией, которую дала Мэн Цзяоцзяо. Это был Лу Чан. Он родился в девяносто втором году, и в свои тридцать лет успел уже десять раз отметиться на Миланской неделе моды. Сейчас он сотрудничал с британским брендом YG. Изначально марка специализировалась исключительно на женской одежде, но недавно зашла на территорию мужской моды. И хотя их доля на рынке пока оставалась скромной, былая слава бренда обеспечивала отличные стартовые позиции.

Гун Хунчан оглянулся через плечо:

— Тут тебе лучше обсудить все напрямую с ними.

— Эй, парни, не хотите примерить подиум? — Лу Чан заговорщически подмигнул. — Весенне-летняя коллекция худи, мой главный козырь.

Линь Ин и Умуцзань переглянулись и согласно кивнули. Линь Ин при этом с таким неподдельным старанием изобразил смущенного новичка, что стоявшая поодаль Мэн Цзяоцзяо прыснула в кулак.

Лу Чан громогласно расхохотался. Взяв с подноса проходящего мимо официанта бокал шампанского, он салютовал ребятам:

— Завтра в десять утра, второй павильон. Будем считать, договорились!

— Рад сотрудничеству, — произнес Умуцзань по-английски.

— Взаимно, — с улыбкой отозвался Линь Ин на родном языке.

Он сделал это умышленно. Линь Ин твердо верил, что в чужой стране, где отовсюду звучит иностранная речь, услышать родной диалект — невероятно приятное и сближающее событие.

Заметив, как потеплел взгляд Лу Чана, Мэн Цзяоцзяо удовлетворенно кивнула. Этот проныра Линь Ин в очередной раз виртуозно получил то, что хотел.

После окончания приема Гун Хунчан одобрительно похлопал актера по плечу:

— Ты уверен, что не хочешь всерьез заняться подиумом?

— Более чем, — отрезал Линь Ин.

Мысль о рации модели вызывала у него глухое неприятие, но главное — его манила исключительно актерская стезя.

— Эх, жаль, — шутливо вздохнул Гун Хунчан, потирая ладони. — А я уж думал взять тебя в ученики.

Все понимали, что это лишь светская любезность, поэтому развивать тему никто не стал. Цель вечера была достигнута, и теперь все мысли занимал завтрашний кастинг.

Второй павильон представлял собой огромный зал для открытых просмотров. Полноценных дефиле здесь не проводили. Ежегодно этот подиум топтали тысячи начинающих манекенщиков и признанных топ-моделей, однако лишь единицам из них удавалось пробиться на главный показ.

Когда Линь Ин и Умуцзань — новички до мозга костей — в сопровождении ассистента Гун Хунчана вошли в павильон, там уже яблоку негде было упасть. Судя по всему, сегодня здесь

проходили отборы сразу нескольких модных домов.

— Пунктуально, хвалю, — встретил их Лу Чан. Сегодня его макияж выглядел скромнее — по крайней мере, стрелку на втором глазу он все же нарисовал. — Занимайте очередь. Гун вчера уверял, что базовую походку вы уже отработали.

Умуцзань на миг опешил, услышав, как уверенно Лу Чан изъясняется на китайском. Он бросил недоуменный взгляд на Линь Ина, лицо которого хранило абсолютное спокойствие.

— Не думал же ты, что соотечественники будут ломать язык на английском ради приличия? — негромко шепнул ему Линь Ин с легкой усмешкой.

Техника шага у обоих парней оказалась на высоте, но Лу Чана привлекло другое — нерастраченная юношеская дерзость и бьющая через край жажда жизни, не испорченная циничным глянцем. По правде говоря, свободный крой худи не совсем вязался с аристократичной утонченностью Линь Ина, но тот был прежде всего актером и умел виртуозно подстраиваться под концепцию.

В итоге Лу Чан отобрал пятнадцать человек, включая китайский тандем, — ровно по числу подготовленных комплектов одежды.

— Готовьтесь, — напутствовал их дизайнер. — Рядом с Гун Хунчаном вы вряд ли наделаете глупостей, но генеральный прогон пропустить не смейте.

Лу Чан все же немного беспокоился: близость к признанному мэтру могла вскружить парням голову, а излишняя расслабленность дебютантов на подиуме — последнее, что ему было нужно перед премьерой мужской линейки.

На эти наставления Гун Хунчан лишь снисходительно закатил глаза и увлек подопечных к выходу. Уже у дверей он жестом предупредил, что на улице дежурят папарацци. Линь Ин, не желая привлекать к себе лишнего внимания до официального дебюта, увел Мэн Цзяоцзяо к запасному выходу.

Гун Хунчан вовремя придержал за плечо собиравшегося выйти через парадную дверь Умуцзаня и шутливо постучал ему пальцем по лбу:

— Интрига — наше все. Ступай-ка тоже через черный ход.

С этими словами он мягко подтолкнул парня в сторону служебного коридора, а сам в сопровождении ассистента величественно шагнул навстречу вспышкам камер.

Увидев догоняющего их Умуцзаня, Линь Ин заговорщически подмигнул Мэн Цзяоцзяо:

— А инструктор Гун знает толк в пиаре.

— Еще бы, — согласилась Мэн Цзяоцзяо. — Он в этом бизнесе не один десяток лет зубы проедает.

Появись сейчас Умуцзань перед репортерами в одиночку, праздная толпа в сети мгновенно раздула бы из этого сенсацию. Куда эффективнее выложить все карты сразу на показе, когда у прессы не останется простора для домыслов.

Репетиции и примерки сменяли друг друга безумным калейдоскопом. Линь Ин даже не нашел времени взглянуть на женские показы, прошедшие в первые дни. Зато Мэн Цзяоцзяо оторвалась по полной программе, скупив целую гору дизайнерских нарядов.

Время в тренировках летело незаметно. Осознание того, что показ состоится уже завтра, накрыло Линь Ина прямо во время обеда. Он озвучил эту мысль вслух и тут же удостоился дружного презрительного взгляда от Мэн Цзяоцзяо, Умуцзаня и Гун Хунчана, которому завтра тоже предстояло выйти на подиум.

— Эй, Ин, Му! — к ним поспешил Бенни, молодой манекенщик из Италии.

Они познакомились на репетициях в последние дни. Как и для китайских парней, для итальянца этот показ был дебютным. Коллекция Лу Чана создавалась с прицелом на молодежь от восемнадцати до двадцати пяти лет, поэтому все пятнадцать моделей были примерно одного возраста. Впрочем, по-настоящему выигрышной харизмой могли похвастаться немногие. Троица новичков, ставшая главным объектом придилок со стороны режиссера на прогонах, быстро сплотилась на почве общих трудностей.

— Восемь часов ровно! Все по местам, начинаем подготовку! — скомандовал режиссер.

Гримерка мгновенно превратилась в бурлящий улей. Ассистенты и стилисты бросились к моделям, наводя последний лоск на образы.

Линь Ин критически осмотрел свое серебристо-серое худи перед зеркалом. Поразмыслив секунду, он небрежным движением сдвинул безупречно выглаженный воротник набок.

Творения Лу Чана ломали привычные стереотипы о спортивной одежде. Это были вещи не только для отдыха: в некоторых моделях не стыдно было появиться на светском рауте или закрытой вечеринке. Отдельные фасоны и вовсе неуловимо напоминали военную форму — идеальная посадка, строгие линии, обилие металлической фурнитуры. Худи Линь Ина как раз относилось к их числу. Издалека оно смотрелось как парадный китель: монументальное в статике, но пластичное в движении. Нагрудные металлические пуговицы, фиксирующие воротник, отливали благородным блеском, словно ордена, а лаконичные черные ленты на манжетах добавляли образу дерзкого шика. На его маленькую импровизацию никто не обратил внимания — за кулисами царил привычная предстартовая суета.

Когда Линь Ин шагнул под слепящий свет софитов, режиссер наконец заметил несанкционированные изменения в костюме. Но вернуть модель назад было уже невозможно. Сцепив зубы от досады, постановщик велел немедленно позвать Лу Чана.

Юноша с классическими восточными чертами лица уверенно двигался по подиуму. Перекошенный воротник строгого худи мгновенно сместил акцент с благообразной строгости на бунтарскую небрежность. Образ балансировал на стыке армейской дисциплины и уличного панка. Линь Ин безукоризненно выдерживал традиционное для моделей ледяное бесстрашие, но от него исходила мощная, почти осязаемая энергетика. Перед зрителями предстал не просто красивый мальчик, а дерзкий вожак уличной банды — чертовски уверенный в себе и презирающий рамки. Сама одежда транслировала этот экзистенциальный цинизм: вызов правилам, поиск себя, но с четким внутренним стержнем.

Едва Линь Ин завершил проход и скрылся за кулисами, Лу Чан, с трудом сдержав порыв задушить наглеца в объятиях, разразился победным смехом. Дизайнерское чутье подсказывало ему: эта вещь обречена на оглушительный успех.

Режиссер показа не видел дефиле из зала, но по восторженному лицу модельера понял: ставка сыграла. Пришлось признать, что этот дерзкий дебютант на удивление тонко прочувствовал философию бренда. Впрочем, удивляться тут не приходилось: в своей прошлой жизни Линь Ин и сам отлично знал, что такое бунтарский дух улиц.

Времени на разговоры не оставалось — пришел черед финального общего выхода. Линь Ин в составе плотной колонны моделей завершил дефиле под нарастающий гул рукоплесканий. В финале на подиум поднялся сам Лу Чан. Подняв руки в приветственном жесте, он отвесил публике низкий поклон.

Видеозаписи с Миланской недели моды мгновенно разлетелись по зарубежным ресурсам, а спустя трое суток волна докатилась и до китайского интернета. Пользователи пришли в восторг от выступления Линь Ина. Хулиганский шарм в сочетании с ледяной маской бесстрастия выглядел невероятно эффектно. Буквально за пару дней школы и университеты страны наводнили толпы подростков, старательно копирующих этот холодный, презрительный взгляд.

«Выступление Сяо Линя превзошло все ожидания! Даже не думала, что он так уверенно держится на подиуме!»

«Наш мальчик снова доказал, что ему подвластно все. Так держать!»

«Господи, теперь я мечтаю увидеть его в роли какого-нибудь харизматичного военного бунтаря! Этот пронзительный взгляд просто наповал разит!»

«Трое суток рыла интернет в поисках качественной записи показа... И это того стоило! Теперь безумно жду его дебют на большом экране!»

Докатившиеся из Китая отзывы заставили Линь Ина лишь усмехнуться. Немного подумав, он выложил в сеть официальный промо-снимок к фильму, лаконично подписав его:

«Моя первая серьезная роль».

На фотографии его лицо скрывал пугающе реалистичный грим со шрамами. Отправив пост в Weibo, актер без сил повалился на кровать и мгновенно уснул. Показ длился считанные минуты, но недели изнурительной подготовки выжали из него все соки.

Публикация этого кадра предвосхитила масштабную рекламную кампанию режиссера Чэня. Спустя два дня состоялась долгожданная премьера киноленты «Человек в темнице», и тут создателю картины пришлось в полной мере ощутить на себе волну праведного гнева фанатов Линь Ина.

Шутка ли: любимый артист, чьи первые шаги в карьере поклонники караулили буквально по дням, в своем дебютном полном метре предстал безжалостно изуродованным! Гримеры постарались на славу — под слоями бутафорской плоти разглядеть черты лица кумира было решительно невозможно. Фанаты были безутешны.

Впрочем, невинная шалость Линь Ина пошла картине только на пользу. Кассовые сборы превзошли самые смелые ожидания режиссера Чэня, а скептики наконец получили возможность оценить подлинную глубину актерского таланта юноши.

Интернет-пространство взорвалось обсуждениями. «Он мог бы годами выезжать на одной ангельской внешности, но выбрал самый сложный путь!» — писали растроганные фанаты. Финальная сцена гибели его персонажа, завершавшаяся леденящим душу крупным планом, заставляла зрителей в залах буквально цепенеть от ужаса.

К моменту возвращения Линь Ина из Италии фильм все еще шел в прокате. Выкроив свободный вечер, актер инкогнито проскользнул в кинотеатр. Досмотрев картину до финальных титров, он мысленно согласился со зрителями: зрелище и впрямь вышло жутким.

Стоило ему выйти из торгового центра, как карман джинсов завибрировал от непрекращающихся уведомлений. Оказалось, кто-то из синефилов узнал его в темноте зала и уже успел запустить лавину отметок в Weibo с требованием признаться.

Вместо оправданий Линь Ин выложил скриншот из фильма — тот самый кадр с беззаботно улыбающимся владельцем чайной лавки, чьи глаза были подведены сложным этническим узором. Приложив указательный палец к губам, он оставил короткую подпись:

«Тсс... Тебе это просто показалось».

Подобная таинственность лишь подлила масла в огонь фанатского обожания. Комментарии

мгновенно заполнились шутливыми расспросами в духе: «Сяо Линь, ты у нас, оказывается, тот еще проказник! Родители-то в курсе?»

<http://bllate.org/book/20457/2189376>